

25.02.93

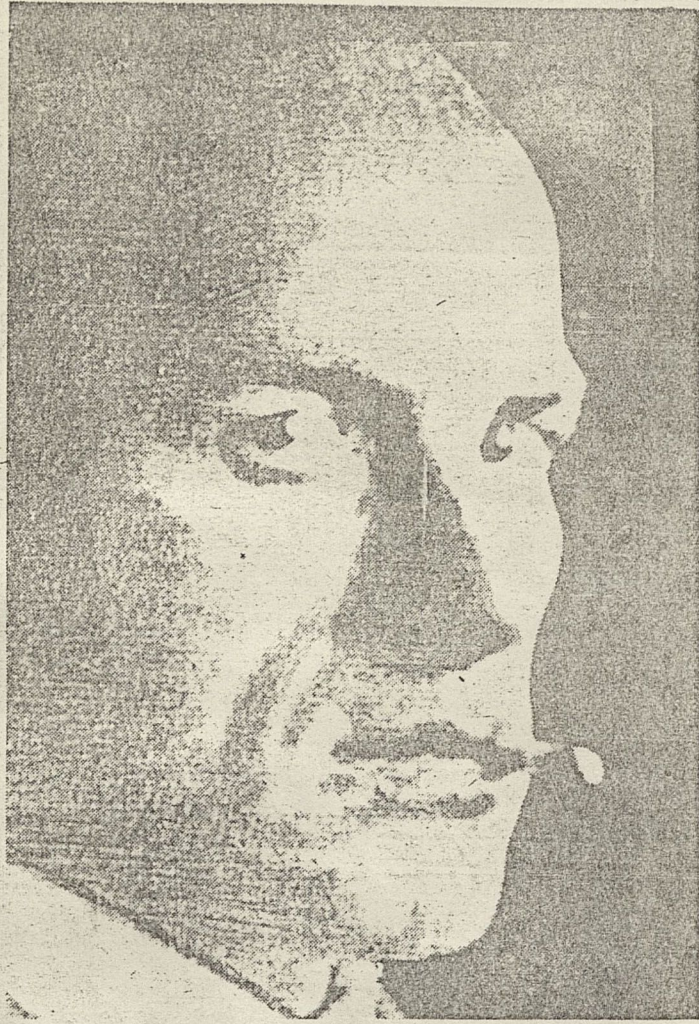
Маяковский В.В.

См. на об.

Память сердца Сов. молодень - Иркутск - 1993

1993

7

«Мы не утратили мужского...»

Подходя к дому, в подъезде, кружа по этажам, я думала о смерти. Не о поэтическом термине или философской метафоре, а о смерти действительной, осязаемой до мурашек, носящейся под этим потолком, затанцующей в этих стенах. Я думала о смерти поэта Владимира Маяковского.

Экспозиция нового музея Маяковского строилась по ассоциативному принципу — посетитель движется по причудливо сконструированным пространствам, спиралью времени и судьбы: рождение в семье кутаисского лесничего, школьная парта, баррикада, и так по векам до конца, до выстрела в сердце, а после — вниз, к началу, к детству, к камням, на которых стоял дом, как ось судьбы поэта, на которого и внуки будут оглядываться не назад, а вперед, в лестница, взламывающая купол здания и вырывающаяся в небо...

Недалеко от этого дома когда-то стояла церковь, на территории которой похоронен был Тредиаковский. Могила его оказалась как раз под жилищем самого дерзкого реформатора стиха XX века! Одиннадцать лет Маяковский снимал комнату у инженера Бальшина. Квартира была разрушена в 68-м году, не удостоившись и мемориальной доски. Считалось неприличным показывать великого пролетарского поэта в контексте коммуналки. Потом дом отреставрировали, возвели новые стены, настелили новое половое покрытие, но на двери Маяковского повесили табличку «Перестройке не подлежит». Там все оставлено

нетронутым — небольшой стол, два стула, полка с книгами, диван, фото Ленина на стене, зеленая старомодная лампа, чайник, ковер на полу. В углу камин, над ним зеркало. Удивительно тихая, скромная комнатка — совсем, кажется, не подходящая для такого огромного, громкоголосого, неординарного человека. И уж тем более не подходящая для самоубийства...

Из этой крашеной, с глазком и цепочкой двери, по этой вот лестнице с витыми перилами бежала, опаздывая на репетицию, Вероника Полонская, когда вдруг услышала выстрел. Поняв, что произошло, она бросилась назад... Он, еще живой, лежал на полу, из револьвера медленно выплывал дымок...

Если бы Полонская не торопилась на репетицию!

На репетицию она все-таки успела. На крики режиссера «Безобразия! Распушенности!» Полонская оправдывалась: «Простите... Только что застрелился Маяковский... Я прямо оттуда! И... продолжала репетировать.

Брожу по музею и все время оглядываюсь: вдруг явится некто высокий в желтой кофте до колен, с футуристической морковкой, нахально выглядывающей из кармана. Именно таким предстал перед публикой молодой футурист Маяковский на литературных собраниях, где художники, поэты, режиссеры сражались за свою веру в искусство с пылом первых крестоносцев.

Футуристы сражались с имажинистами, те с «мужиковствующими»; объединялись же они только в поединках с кри-

тиками. То в «Стоиле Пегаса», то в Политехническом, то в Колонном зале кипели благородные страсти и лилась невидимая глазу кровь.

Имажинист Шершеневич поимел крупные неприятности, написав месяцем позже после Маяковского: «Я сошью себе полосатые штаны из бархата голоса моего». Стоило только Маяковскому увидеть Шершеневича на трибуне одного из «полей сражения», как он сразу вырастал посреди зала и гремел: «А Шершеневич у меня штаны украл!»

Злосчастный критик Л.Б., выступавший с докладом о поэзии Маяковского, Мариенгофа и Шершеневича, как-то неосторожно назвал их вырожденцами. Л.Б. был маленького, чуть ли не карликового роста. Маяковский предложил тихо встать за спиной докладчика. «И мы трое — одинаково рослых, с порядочными плечами... встали позади карлика», — писал Мариенгоф.

«Эти вырожденцы...» Зал залился смехом. Л.Б. поднял на нас испуганные шарки глаз.

— Продолжайте, могучий товарищ. Три вырожденца слушают вас, — презрительно ободрил его Маяковский.

Футуристы (прародители нынешних авангардистов) были людьми едкими и безытными. Маяковский одним своим мрачно-тяжелым взглядом мог вдавнить какого-нибудь «недорезанного буржуя» в кресло. Или отпустить убийственную реплику в сторону господина с устрицей в усах.

После того, как Алексей Максимович проплакал поэту всю жилетку от душевной рас-

троганности молодым талантом, жена Горького предложила Маяковскому отобедать с ними. «А не боитесь, что серебряные ложки у вас украдут?» — спросил Маяковский.

Для него, человека застенчивого и не очень уверенного в себе, эпатаж был орудием самозащиты.

Мариенгоф, имевший с ним шапочное знакомство, вспоминал: «Никогда не видел Маяковского вдвоем или в тесной дружеской компании. Никогда не видел его с веселым, молодым и счастливым лицом... И всякий раз, при этих случайных встречах с Маяковским, я думал о нем: «Один, как па-лец!»

Я бы сказала — один, как жираф. В бытность свою студентом училища живописи и ваяния Маяковский испытывал исключительную симпатию к жирафам. Их в музее — нарисованных карандашом, пастелью, мелками — много: жираф у парикмахера, жираф у зубного врача, жираф с верблюдом... «Жираф был первым футуристом», — как-то сказал Маяковский. Последний рисунок серии — жираф, разрываемый крокодилами. Это закономерное: жираф — существо ни на кого не похожее, одинокое, любопытное, поэтому всегда рискует быть съеденным.

Маяковский многим казался мрачным, невеселым остряком, но в душе он был абсолютным младенцем, пухлоротым и нежным — до волшебства:

Я вам только головы пальцами трону,
И у вас
вырастут губы
для огромных поцелуев...

Потом, стараясь идти в ногу с требованиями времени, он стал «ассенизатором» и «водовозом», задавив в себе то младенческое, трогательное, волшебное, что и делает поэта поэтом:

С небритой щеки площадей.
Стекая ненужной слезою,
Я,

быть может,
последний поэт.

В музейной витрине шеренгами выстроились его близнецы-бюсты: квадратная челюсть, глаза, как чугунные гири, каменное лицо. Разве мог превратиться в такого «монстра» человек, некогда написавший:

Небо плачет
безудержно,
звонко,
а у облачка
гримаска на морщинке ротика,
как будто женщина
ждала ребенка,
а Бог ей подкинул
кривого идиотика.

Среди экспонатов есть фотомонтаж: на известном фото Маяковский с Лилей Брик, вместо Маяковского — Осип Брик, а от поэта осталась только кепка...

Однажды он сидел в кафе и плакал, обливая слезами забавных щенят, нарисованных в письме для Лили Брик. Собачки ревели в три ручья, и он — то ли от любви, то ли от жалости к себе, то ли от того, что жизнь подкинула совсем не то, о чем мечталось. Лили Брик

25 февр. - с. 7

рассказывала, как они с Маяковским под забором дачи нашли рыжего щенка. Нос у щенка был темный и рот в два раза больше положенного. «Они были очень похожи друг на друга. Оба носились, задрав хвосты. Оба скулили жалобно, когда просили о чем-нибудь. Иногда лаяли на первого встречного просто так, для красного словца».

Его же тревали не в шутку: «Маяковский непонятен массам», «Маяковский — попутчик», — лаяли цензоры, черкая его красным карандашом, загромождая, уничтожая.

9 апреля 1930 года Маяковский вышел на сцену института народного хозяйства с температурой 38 градусов. Глаза слезились, он поминутно сморкался. «У меня грипп, болит горло, трещит башка. Очень хотелось поваляться дома... Но потом я подумал: что с человеком иногда не случается, вдруг я отправлюсь в мир иной... А ведь вы тогда всю жизнь охоты будете: при нас-де жил гениальный поэт Маяковский, а мы, бедные, никогда не слышали, как он свои замечательные стихи читал». Кто-то крикнул: «Напрасно! Мы не собираемся охоты». Когда он читал стихи, зал демонстративно шумел, хихикал, храпел. А когда Маяковский произнес: «Умри, мой стих», — какой-то студент гаркнул: «Подох уже! Подох!»

Это было его последнее выступление.

Провал премьеры его пьесы «Клоп» в театре Мейерхольда подействовал на Маяковского как оглашение смертного приговора на подсудимого. Дома у него был заранее накрыт огромный стол на сорок персон. Пришло только пять человек. Маяковский сидел среди пустых приборов и острел. Актриса Ангелина Степанова, бывшая там, на другой день сказала Николаю Эрдману: «Это было страшно». Ожидаемое торжество оборотилось в поминки...

Напоследок я снова и возвращаюсь к комнате-лодочке, где когда-то застрелился поэт. О чем могут поведать зеленая старомодная лампа или зеркало?... Кажется, вот-вот возникнет позади меня некто в нелепой желтой кофте и шепнет: «Большому поэту нужна большая любовь». А может, просто молча протянет морковку и исчезнет.

Я шла сюда с мыслью о смерти и ухожу, думая о ней. Перед входом в музей — послание Владимира Высоцкого Владимиру Маяковскому: «Мы не умрем мучительною жизнью — мы лучше верной смертью оживем».

Умер ли поэт Владимир Маяковский? Разве только в медицинском смысле... Ведь для художника Смерть — бегство от Компромисса, который и есть гибель, возвращение на круги своя.

А я, прихрамывая душонок, иду к моему трону с дырами звезд по истертым сводам...

(Из трагедии «Владимир Маяковский»).

Екатерина САНЖИЕВА.
Москва-Иркутск.